Дело №

Расследуй это

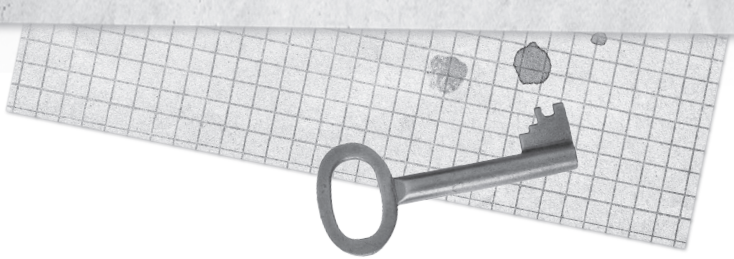
1
2
3
4
5
6
A
8
6
1
2
3
B

А. Озорнина

ОТСЮДА НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

...Он возглавляет десятку самых странных отелей мира. Когда-то это место пользовалось необыкновенной популярностью, правда, только у олигархов. Остальные могли лишь мечтать хотя бы на несколько минут оказаться в трехэтажном замке на крошечном островке в Средиземном море. Путевки в этот отель можно было приобрести только за год до отдыха. Но в какой-то момент что-то пошло не так, и с каждым сезоном желающих посетить это удивительное место становилось все меньше и меньше. В итоге, последние 50 лет шикарное здание отеля, напоминающее замок с башней, постепенно разрушается.

Из Интернета



Часть I

Здесь и очень давно

«Что я им сделал? За что они так? За что? За что? За что?»

Впрочем, ответ был известен. И вмещался он в одно кроткое слово — буллинг. В переводе на русский язык — травля.

Выбор жертвы непредсказуем.

Ею может быть ученик, слабый физически и оттого не способный постоять за себя.

Ею может быть беспросветный двоечник или, наоборот, круглый отличник.

Ею может быть любой, на ком вдруг остановится взгляд желающих свести счеты. Тот, кто попал под неумолимые колеса буллинга, почти не в состоянии из-под них выбраться.

Именно под такие колеса и угодил ученик 9 «Б» класса Иван Капустин.

Он не был глупым.

Не был отстающим.

Не был физически слабым.

Он был высоким симпатичным пареньком, мечтой многих девчонок. В том числе и красавицы Лили.

У Лили была осиная талия, светлые волнистые волосы до пояса и огромные голубые глаза. На то, как она двигается, говорит и даже сердится, невозможно было смотреть без удивления и восхищения тем совершенством, которое сотворила природа. И все смотрели. И восхищались. И удивлялись. Все, кроме него. Ивана Капустина.

Математика, физика, химия, формулы и графики приводили его в восторг, ими он готов был заниматься круглые сутки.

Слушая, как он отвечает на уроках, как спорит с учителями, как отстаивает свою точку зрения, невозможно было не удивляться и не восхищаться тем интеллектуальным совершенством, которым наделила его природа.

Все удивлялись. И восхищались. И Лиля тоже.

Ей так хотелось, чтобы и он, Иван Капустин хотя бы иногда поглядывал в ее сторону! Увы... Не было этому Капустину никакого до нее дела. Однажды Лиля не выдержала.

«Ну, Капустин, держись! — подумала она. — Ты будешь страдать в десять раз сильнее, чем я!»

И красавица Лиля, словно злая волшебница, привела свои слова в действие. Буквально со следующего дня жизнь Ивана Капустина превратилась в кошмар. К концу четверти в его дневнике, кроме привычных пятерок, появились четверки, а еще через пару месяцев он стал почти троечником.

Учителя недоумевали, родители устраивали головомойку, лишали любимых занятий.

И только одиннадцать человек в классе знали причину такой метаморфозы: красавица Лиля и десять ее верных вздыхателей, которые бросались по одному движению брови выполнять любую ее прихоть. А уж издеваться над отличником Капустиным было для них настоящим удовольствием! Ведь каждый из них чувствовал в нем соперника.

Во время очередной взбучки от родителей Иван проговорился. Отец шумел, грозился лично разобраться с обидчиками. Мать плакала и предлагала сходить к директору или вовсе перевести сына в другую школу.

От всего этого Иван отказался.

И тогда отец сказал:

— В таком случае воспринимай все это как игру. Это сложно, но необходимо. Запомни: по большому счету вся жизнь — игра, и выигрывает тот, у кого больше терпения и упорства, ведь игра может затянуться на годы. Но уже сейчас тебе надо подумать о том, что ты должен сделать, чтобы выйти из нее победителем. Пусть даже через десять, двадцать или тридцать лет.

И Иван стал думать.

И придумал.

Он купил паука.

Поставил паучий домик рядом с любимой книгой «Десять негритят» Агаты Кристи и вложил между ее страницами десять тонких аккуратных полосок бумаги, на каждой из которых вывел имя и фамилию обидчика.

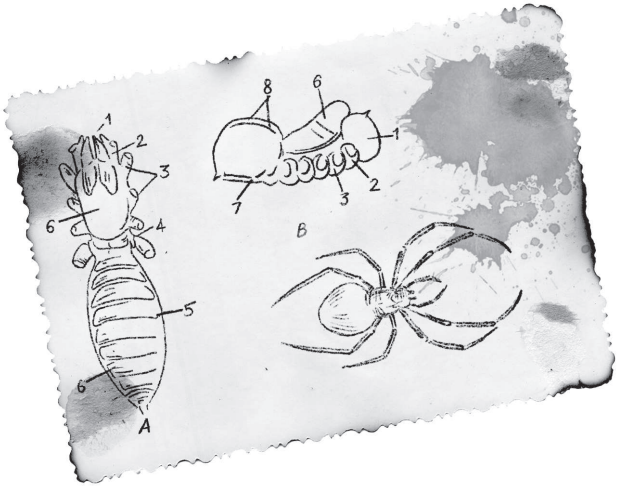
Потом достал небольшой блокнот и написал на первой странице: «Я, Иван Капустин, 15 лет. Сегодня я купил паука и решил начать игру, в которой должен стать победителем. Даже если на это уйдут годы».

Удивительно, но от этого сразу стало легче. Он понял, что выиграет, чего бы это ни стоило.

И хотя он знал, что злодеям-одноклассникам он пока не сможет дать отпор, настроение у него впервые за много дней было отличное.

Ведь никто из обидчиков даже не подозревает, что игра начинается, он один знает об этом!

И это вдруг придало ему силы. Уверенности. И очень скоро в его дневнике снова появились пятерки. Он стал золотым медалистом и поступил в самый престижный вуз страны. Но игра не закончилась. Она только начиналась. Ведь он должен стать победителем. Пусть не сейчас. Пусть через много лет, но стать победителем.



Часть 2

Там и тогда

Олеся

Глава I

Мы с Козулей, то есть, Колькой Козулиным, никогда не верили в чудеса. Да и как тут поверишь, когда мы с самого раннего детства воспитывались в детском доме.

На выходные мы с Колькой оставались в нем одни. Ну, то есть с няней Верой. Ведь всех остальных забирали в приемные семьи. Всех, кроме нас с Колькой. Потому что мы не такие, как все. У Козули заячья губа, а у меня одна нога короче другой, да еще и выворачивается внутрь при ходьбе. Няня Вера говорила, что не эстетичные мы. И оттого что мы с Козулей не эстетичные, нас сторонились даже наши. Детдомовские. Няня Вера говорила: «Мамы отказались от вас, потому что инвалиды вы. Не были бы инвалидами, не отказались бы».

Но мы были уверены, что она говорит неправду. Разве может мама оказаться от сво-

его ребенка, даже если он инвалид? Наверное, наши мамы умерли во время родов. Плохо, конечно, что они умерли, но это лучше, чем если бы от нас отказались.

Так мы думали, когда были маленькими. Теперь нам по восемнадцать, и мы понимаем, что, скорее всего, няня Вера была права: от нас отказались. Я с вывихнутой ногой, Колька — с заячьей губой.

Тем не менее, Козуля выучился на слесаря и работает на небольшом заводе по выпуску роботов-пылесосов, а я буквально на днях окончила с отличием химико-биологический колледж. И не успела получить диплом химика-биолога, как произошло чудо, благодаря которому очень скоро мы с Колькой сможем избавиться от «неэстетичности». И тогда у Кольки будет не заячья, а обыкновенная губа, а у меня будут ноги одинаковой длины и никакой косолапости! Так что то, что со мной произошло, пока еще всего лишь часть чуда. Настоящее чудо будет тогда, когда мы с Колькой станем как все. Скорей бы это случилось! Скорей бы, скорей!

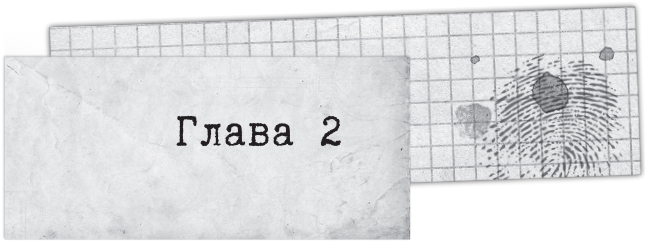
Ну а теперь по порядку.

В общем, в день, когда я получила диплом с отличием, мне попалось объявление

II

о том, что в секретную научно-экспериментальную лабораторию на временную работу срочно требуется лаборантка. Отбор кандидатов проходит на конкурсной основе. Я подумала: а вдруг повезет! И ведь повезло! Я прошла отбор, одна из двадцати пяти человек! И так растерялась, что у меня даже правая пятка заболела. Наверное, от радости.

Как только я узнала, что прошла конкурсный отбор, тут же решила вести дневник. Его мы будем читать вместе с Козулей, когда я вернусь из «командировки». Нет, наверное, будет лучше, если я покажу Кольке эту тетрадь, когда все будет позади. Ну, то есть, после всех операций. Когда мы станем как все.



Глава 2

На улице темень. Время близится к ночи. Я вместе с коллегами лечу на вертолете навстречу неизвестности.

Перед вылетом пришлось подписать контракт, в котором говорится, что после окончания работы никто не должен знать, где мы

находились и какими исследованиями занимались. Также никто не должен знать, что мы отправляемся в трехнедельную командировку. Впрочем, это и так ясно — ведь лаборатория-то секретная. И, как я поняла на собеседовании, нам предстоит разработать что-то очень важное для нашей страны. А чтобы родственники не волновались, нужно придумать какую-нибудь легенду. Например, внезапно уехала в гости к тете или подруге. Но легенду я придумать не смогла, во-первых, потому что нет у меня ни подруги, к которой можно было бы поехать, ни тем более тети. Я ограничилась эсэмэской, которую перед вылетом отправила Кольке. И вот теперь я мчусь навстречу неизвестности.

Все это, конечно, здóрово, только вот не успел вертолет подняться, как у меня опять заболела правая пятка. Да что ты будешь делать! «Переключись на другое!» — приказываю я себе и пытаюсь вспомнить, как выглядят мои попутчики, ведь в салоне темно.

Помимо пилота, нас трое: я, Лариса, женщина средних лет с красным лицом, толстая, килограммов, наверное, сто двадцать, и наш куратор, Яков Борисович, длинный и согнутый, похожий на вопросительный знак. Волосенки

у него жиденькие, непонятного цвета, сзади схвачены резинкой в хвост. На глазах — темные очки. Голос у него... Я бы назвала его глухим, если это выражение применимо к голосу. Да и весь он какой-то невыразительный и даже сложно сказать, сколько ему лет: двадцать или сорок. А может, и вовсе пятьдесят?

Помогло: пятка успокаивается, и теперь я могу просто наслаждаться полетом. Наслаждаюсь... Наслаждаюсь... Наслаждаюсь... Кажется, вертолет идет на снижение — там, внизу, крошечное светлое пятно, которое с каждым мгновением становится все больше.

Глухой толчок колес о землю — и полет окончен.

Мы спрыгиваем на асфальт и оказываемся в центре этого пятна.

Через правую пятку будто опять пробегает электрический ток. Из-за этого я почти не слышу, что говорит Яков Борисович, но понимаю, что надо идти за ним в здание, которое находится совсем рядом с вертолетной площадкой. На третьем этаже в нескольких окнах горит свет.

За стодвадцатикилограммовой Ларисой я вхожу в внутрь здания и двигаюсь вслед за ней по длинному, почти темному коридору.

Я уже соскучилась по Козуле и представляю, какое появится недоумение на его лице, когда он прочтет мою эсэмэску. Точнее, когда прочел, потому что времени с тех пор, как я ее отправила, прошло довольно много. Из-за мыслей о Козуле я не замечаю, как мы остались с Яковом Борисовичем вдвоем.

Вдруг он резко останавливается, так, что я чуть не врезаюсь в него сзади, открывает почти не заметную при слабом освещении дверь и пропускает меня вперед. От неожиданно яркого света я зажмуриваюсь.

— Твои апартаменты, — говорит Яков Борисович. — В них ты будешь находиться все время. Выходить нельзя, да у тебя и не получится, дверь я запру.

Я пытаюсь узнать, почему нельзя выходить, но Яков Борисович перебивает:

— Извини, некогда, время пошло. Там памятка, разберешься, — и исчезает за дверью.

Я остаюсь одна, осматриваюсь.

Глаза уже привыкли к яркому свету, и я читаю памятку, которая висит на стене в небольшой прихожей. Оказывается, я заперта здесь на целых три недели, пищу мне будут доставлять прямо сюда. И... просовывать на подносе под дверь. Жирным шрифтом выделен пункт о